

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ГЕОРГИЙ БЫКОВ против РОССИИ

(Жалоба № 24271/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

14 октября 2010 года

Постановление становится окончательным в соответствии с условиями, предусмотренными пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакторской правке.

По делу Георгия Быкова против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Кристор Розакис, *Председатель*,
Нина Важич,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Стейнер,
Ханлар Гаджиев,
Дин Шпильманн,
Свере Эрик Джебенс, *судьи*,
и Андре Вампак, *заместитель Секретаря Секции*,
Проведя 23 сентября 2010 года закрытое заседание,
Вынес следующее постановление, принятое в указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано после подачи жалобы (№ 24271/03) против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») гражданином России, Георгием Алексеевичем Быковым (далее - «Заявитель») 20 мая 2003 года.

2. Интересы заявителя представляли г-да А. Манов и И. Сиволдаев, практикующие юристы из г. Москвы и г. Воронежа. Российское правительство (далее - «Правительство») было представлено г-жой В. Милинчук, бывшим Уполномоченным Российской Федерации в Европейском Суде.

3. Заявитель утверждал, в частности, что после ареста подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, а также что должного расследования этих событий проведено не было.

4. 13 июня 2007 года председатель Первой Секции принял решение уведомить Правительство о подаче жалобы. Было также решено изучить существо жалобы одновременно с решением о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1963 году и до ареста проживал в г. Воронеже. На данный момент он отбывает наказание в исправительной колонии в г. Семилуки Воронежской области. Заявитель – бывший военный.

А. Арест заявителя и предполагаемое избиение сотрудниками милиции

6. 12 июля 2001 года трупы двух прапорщиков были обнаружены на контрольно-пропускном пункте воинской части. Прапорщики были зарублены топором. Табельное оружие одного из прапорщиков было похищено.

7. Четыре дня спустя, 16 июля 2001 года, заявителя арестовали по подозрению в двойном убийстве. Его доставили в Советский РОВД г. Воронежа, где, со слов заявителя, сотрудники милиции несколько часов его избивали. Со слов заявителя, милиционеры напоили его паленой водкой. Будучи в состоянии алкогольного опьянения, он подписал явку с повинной, сознавшись в совершении убийства двух прапорщиков.

8. Позднее 16 июля 2001 года заявителя поместили в изолятор временного содержания (ИВС). Как следует из письма, направленного начальником ИВС адвокату заявителя 21 ноября 2001 года, при поступлении в ИВС заявителя осматривал врач, который зафиксировал гематомы в области носа и под глазами. Врач отметил, что телесные повреждения были получены до поступления заявителя в ИВС, и что заявитель не просил оказать ему медицинскую помощь.

9. В тот же день заявитель, допрошенный в качестве подозреваемого по делу об убийстве, посетовал прокурору, что написал явку с повинной под давлением со стороны сотрудников милиции. Заявитель и его адвокат, г-жа Баутина, потребовали от следователя проведения судебно-медицинской экспертизы.

10. 20 июля 2001 года старший следователь военной прокуратуры и врач осмотрели заявителя в присутствии двух свидетелей. Со слов заявителя, сотрудник милиции, участвовавший в избиении заявителя 16 июля 2001 года, сопровождал его на медицинское освидетельствование и остался наблюдать. Старший следователь составил заключение, в котором было указано следующее:

“Освидетельствованием установлено:

... кровоподтеки мягких тканей в средней трети обоих плечей, отцветающие; в подлопаточной области слева кровоподтек, отцветающий (период образования 3-7 дней). Имеется субконъюнктивальное кровоизлияние в перикорниальной зоне правого глаза...”

В. Приговор

11. 19 декабря 2001 года дело было передано в Военный суд Четвертого округа.

12. На слушании, назначенном на 4 июля 2002 года, заявитель утверждал перед Военным судом, что после ареста его избили и пытками выбили из него признание в совершении убийства. В частности, заявитель утверждал, что 16 июля 2001 года его доставили в отделение милиции, где три милиционера били его, в том числе ногами, по голове и в живот. Несколько раз его ударили о стену. Ему ничего не оставалось, как написать признание. После того как он подписал заявление, ему дали водки. Военный обвинитель допросил заявителя в присутствии адвоката, и тот отказался от признания, сказав, что оно было выбито насильственным путем. 20 июля 2001 года он написал другое заявление. Заявитель подчеркнул, что его не били, но он боялся, что в случае отказа написать явку с повинной, к нему будут применены пытки.

13. 16 июля 2002 года Четвертый окружной военный суд признал заявителя виновным в совершении двойного убийства и краже оружия и приговорил его к пятнадцати годам лишения свободы. Военный суд исключил из материалов дела явку с повинной, написанную заявителем 16 июля 2001 года. В частности, суд постановил:

“При рассмотрении заявления Быкова о том, что в период с 16 по 25 июля 2001 года его постоянно избивали сотрудники Советского РОВД г. Воронежа, нанося ему значительные по силе удары кулаками и руками по голове, лицу и телу, а также стучали его головой об стену, суд исходит из следующего.

Свидетели Б., Н, П, Я., В., Ш., О., показали, что они физического насилия и морального давления на Быкова во время его нахождения в Советском РОВД г. Воронежа не оказывали и в их присутствии никто Быкова не избивал.

Не были установлены факты избиения Быкова сотрудниками Советского РОВД и в процессе проведенной служебной проверки управлением собственной безопасности ГУВД Воронежской области.

Вместе с тем, из сообщения начальника ИВС г. Воронежа усматривается, что при поступлении 16 июля 2001 года в ИВС у Быкова были выявлены на носу, левом и правом глазах гематомы.

При таких данных суд допускает, что до поступления в изолятор временного содержания к Быкову применялось физическое насилие, но не в таких объемах, как это он показывал в судебном заседании.

Исходя из изложенного, а также принимая во внимание, что 16 июля 2001 года после написания явки с повинной Быкову было предложено выпить водки, суд исключает данную явку с повинной из числа доказательств вины [заявителя] в совершении убийства [потерпевших].

Что касается явки с повинной и показаний от 20, 21, и 23 июля 2001 года, то [заявитель] в судебном заседании объяснил, что явку с повинной он написал собственноручно, а показания давал и показывал свои действия на следственном эксперименте в присутствии защитника адвоката Баутиной С.В. добровольно, никто на него не оказывал ни физического, ни морального давления. Ходатайств, либо заявлений о применении к нему не законных методов ведения следствия ни он, ни его защитник не заявляли. Каких-либо данных, свидетельствующих о даче [заявителем] 20, 21 и 23 июля 2001 года показаний в результате оказания на него со стороны правоохранительных органов физического, либо морального воздействия в судебном заседании не установлено.”

14. Заявитель обжаловал приговор, настаивая, *inter alia*, на том, что суд должным образом не изучил его жалобы на жестокое обращение. Он также просил суд кассационной инстанции обеспечить его присутствие на кассационных слушаниях.

15. 10 января 2003 года Военная коллегия Верховного Суда РФ поддержала приговор, вынесенный 16 июля 2002 года. Исследовав показания заявителя, касающиеся его избития после ареста сотрудниками милиции, Верховный Суд постановил:

“В то же время, военный суд дал правильную оценку имевшегося нарушения норм процессуального права сотрудниками правоохранительных органов, которые получили от заявителя написанную 16 июля 2001 года явку с повинной; Военный суд правомерно исключил [явку с повинной] из доказательств по делу.

К тому же, сотрудники милиции В., К., и А., видевшие [заявителя] сразу после ареста, заявили на судебном заседании, что у заявителя не было на лице телесных повреждений, и что никто из сотрудников милиции его не бил...

[Сотрудник милиции], Ш., принимавший участие в качестве эксперта в проведении следственного эксперимента 23 июля 2001 года, ... не заметил каких-либо телесных повреждений на лице заявителя.”

Адвокат заявителя присутствовал на кассационном слушании, однако заявителя в суд не вызывали.

С. Судебное разбирательство по жалобе заявителя на жестокое обращение

16. В то же время, как следует из документов, представленных заявителем, в неустановленный день его отец, действуя в интересах заявителя, написал жалобы в различные судебные, правоохранительные и военные инстанции о том, что после ареста заявитель был жестоко избит сотрудниками милиции.

17. Подразделением собственной безопасности ГУВД Воронежской области была начата внутренняя проверка по жалобам заявителя, которая не выявила противоправных действий со стороны сотрудников милиции. В мае 2002 года отца заявителя информировали о результатах проверки. Одновременно с этим его уведомили о том, что его жалобы были переданы в Военный суд, которому предстояло рассмотреть уголовное дело в отношении заявителя. Правоохранительные органы аргументировали это тем, что в соответствии с российским законодательством после того, как заявитель предстал перед судом, суд обладает исключительной юрисдикцией в отношении всех жалоб, имеющих отношение к делу. Аналогичный ответ отец заявителя получил из Генеральной прокуратуры.

18. Правительство настаивало, что первая жалоба на жестокое обращение была подана отцом заявителя в Подразделение собственной безопасности ГУВД Воронежской области только месяц спустя вынесенного 16 июля 2002 года решения. Правительство не представило никаких документов в подтверждение своих возражений. Правительство также не представило документов из материалов проверки по жалобам заявителя на жестокое обращение, несмотря на запрос Суда.

19. 8 августа 2002 года следователь прокуратуры Советского района отказал в возбуждении уголовного дела по заявлению заявителя о жестокое обращение. Изучив результаты внутренней проверки, следователь установил, что 15 июля 2001 года, при предотвращении попытки заявителя совершить самоубийство, его сослуживец ударил заявителя по уху. Изучив медицинское заключение после освидетельствования заявителя при

поступлении в ИВС 16 июля 2001 года (см. пункт 8 выше), следователь пришел к выводу, что повреждения на лице заявителя «могли быть нанесены сослуживцами заявителя» в ходе предотвращения попытки самоубийства. Мотивировочная часть решения из двух страниц была основана на показаниях сотрудников милиции, допрашивавших заявителя 16 июля 2001 года и отрицавших применение насилия в отношении заявителя, а также показаниях отца заявителя, который настаивал на том, что заявителя избили в отделении милиции. Эти показания были получены в ходе проведения внутренней проверки.

20. Заявитель обжаловал постановление от 8 августа 2002 года. 27 марта 2003 года заместитель прокурора Советского района г. Воронежа отклонил жалобу, указав, что следователь провел полную проверку и его выводы основаны на «объективном анализе веских и убедительных доказательств».

21. 28 апреля 2003 года Советский районный суд г. Воронежа отменил постановление от 27 марта 2003 года на основании того, что расследование было неполным. В нем указывалось, что следователь не допросил сослуживцев заявителя, и поэтому его выводы о том, что они нанесли заявителю телесные повреждения, не были основаны на каких-либо доказательствах.

22. Заместитель прокурора Советского района отменил постановление от 8 августа 2002 года и направил дело на дополнительное расследование.

23. 17 ноября 2003 года прокуратура снова отклонила заявление заявителя, не найдя в деле улик, свидетельствующих о жестоком обращении. Постановление было отменено 4 февраля 2004 года и дело было направлено на дополнительное расследование.

24. 6 февраля 2004 года старший следователь прокуратуры Советского района отказал в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции. Постановление было основано на тех же доказательствах, что и постановление от 8 августа 2002 года и на свидетельских показаниях одного из сослуживцев заявителя, г-на Л., признавшегося в том, что он ударил заявителя в ухо. Старший следователь также указал, что «заявитель отбывал наказание и пытался поставить под сомнение выводы суда».

25. Установив, что предыдущее расследование по жалобе заявителя на жестокое обращение было неполным, 24 августа 2007 года Воронежской областной прокуратурой было возобновлено расследование событий, произошедших 16 июля 2001 года. Новое расследование было закрыто 3 сентября 2007 года за отсутствием улик, свидетельствующих об уголовно-наказуемых действиях сотрудников милиции. Однако постановление от 3 сентября 2007 года было отменено вышестоящим прокурором и новое расследование было начато. Результаты нового расследования послужили основой постановления, вынесенного 17 октября 2007 года, в котором жалобы на жестокое обращение были признаны необоснованными.

26. 13 декабря 2007 года заместитель начальника следственного отдела прокуратуры Советского района отменил постановление от 17 октября 2007 года. Заместитель начальника отметил, что решение было незаконным и следствие было неполным. Новое расследование должно было, среди прочего, привести к установлению личностей и допросу сослуживцев, которые якобы помешали заявителю совершить самоубийство 15 июля 2001 года. Установлено, что в настоящее время данное следствие проводится.

II. ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО, ИМЕЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ

A. Расследование уголовных преступлений

27. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации (вступивший в силу с 1 июля 2002 года, «УПК») предусматривает, что при наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждают уголовное дело, о чем выносятся соответствующие

постановление. Уголовные дела о преступлениях, указанных в части второй статьи 20 настоящего Кодекса, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Руководитель следственного органа, следователь, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей статьи 20 настоящего Кодекса, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в случаях, предусмотренных частью четвертой статьи 20 настоящего Кодекса. (статьи 146 и 147). Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять ... надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. (статья 37). Прокурор уполномочен давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, передавать уголовное дело от одного органа предварительного расследования другому, возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования. При отсутствии основания для возбуждения уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован прокурору, руководителю следственного органа или в суд в порядке, установленном статьями 124 и 125 настоящего Кодекса (статья 148). Статья 125 УПК РФ предусматривает, что постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования.

В. Медицинский осмотр задержанных лиц при поступлении в ИВС

28. Российское законодательство предусматривает подробное руководство по содержанию лиц в изоляторах временного содержания. Эти положения установлены в Приказе Министерства Внутренних Дел № 950 Об утверждении правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел от 22 ноября 2005 года и совместном Приказе МВД и Министерства Здравоохранения и соцразвития № 1115/475 Об утверждении Инструкции о порядке медико-санитарного обеспечения лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания органов внутренних дел (“Инструкция”) от 31 декабря 1999. В частности, в разделе II Приказа установлен порядок первоначальных мер, которые должны предпринять работники ИВС при поступлении вновь прибывших лиц. При наличии у принимаемого лица телесных повреждений составляется акт об их наличии, который подписывается дежурным ИВС, должностным лицом, доставившим задержанного, обвиняемого и самим доставленным, которому вручается копия этого акта.

29. Раздел XIV Приказа и Раздел III Инструкции устанавливают, что в течение первых суток пребывания в ИВС проводится первичный медицинский осмотр всех вновь поступивших. Осмотр проводится медицинским работником в медицинском кабинете. Регистрация осуществляется в журнале медицинских осмотров лиц, содержащихся в ИВС. Приказ устанавливает, что с целью определения состояния здоровья и наличия телесных повреждений ... обязательно проводятся медицинские осмотры с отражением данных осмотров в медицинских журналах ... в случае получения подозреваемыми или обвиняемыми телесных повреждений его медицинское освидетельствование производится безотлагательно медицинским работником ИВС, а в случае отсутствия такового - в установленном порядке медицинскими работниками лечебно-профилактических учреждений государственной или

муниципальной системы здравоохранения. Результаты медицинского освидетельствования фиксируются в установленном порядке и сообщаются подозреваемому или обвиняемому.

30. По факту причинения подозреваемому или обвиняемому телесных повреждений проводится проверка, по результатам которой в предусмотренных УПК РФ случаях и порядке решается вопрос о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. (пункт 128 Раздела XIV Приказа).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

31. Заявитель подал жалобу в связи с тем, что сразу после ареста он подвергся обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, и власти не провели должного расследования этого инцидента. Суд изучит жалобу с точки зрения обязательств Государства, вытекающих из статьи 3, предусматривающей:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.”

A. Позиции сторон

32. Правительство утверждало, что заявитель не исчерпал все средства судебной защиты, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ. В частности, допуская, что постановление от 6 февраля 2004 года потеряло свою силу, так как было отменено Прокуратурой Воронежской области 24 августа 2007 года, Правительство подчеркнуло, что заявитель не обжаловал постановление от 6 февраля 2004 года вышестоящему прокурору или суду. Далее Правительство отметило, что жалоба заявителя была преждевременной, поскольку расследование было возобновлено и проводилось в настоящее время.

33. К тому же, Правительство настаивало, что жалоба заявителя на жестокое обращение была необоснованной, так как он не подвергался обращению, нарушающему гарантии, предусмотренные статьей 3 Конвенции. Правительство также настаивало, что телесные повреждения были получены во время борьбы заявителя с одним из потерпевших. Правительство отметило, что заявитель не жаловался на жестокое обращение во время медицинского освидетельствования 20 июля 2001 года, несмотря на то, что осмотр проводился в присутствии следователя прокуратуры. Правительство подчеркнуло, что только после приговора, вынесенного заявителю, последний впервые потребовал возбуждения уголовного дела в отношении сотрудников милиции.

34. В ответ на запрос Суда полностью предоставить материалы расследования в отношении событий, произошедших 16 июля 2001 года, Правительство указало, что расследование до сих пор проводится, и это мешает предоставить Суду необходимые документы.

35. Заявитель утверждал, что его отец незамедлительно уведомил органы государственной власти о том, что заявителя жестоко избили сотрудники милиции. По мнению заявителя, отказы прокуратуры и правоохранительных органов возбуждать уголовное дело по данному инциденту в свете предстоящего судебного разбирательства и последовавшего судебного решения от 16 июля 2002 года, содержащего информацию о проведении внутренней проверки по предположительно имевшему место избиению, подтверждает его утверждение о том, что жалоба на жестокое обращение поступила в компетентные органы без какой-либо задержки. К тому же, довод Правительства относительно того, что жалоба на жестокое обращение была впервые подана только спустя месяц после осуждения заявителя, то есть не раньше 16 августа 2002 года, противоречит

тому факту, что 8 августа 2002 года следственные органы вынесли постановление, в котором отказали в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции.

36. Заявитель также подчеркнул, что медицинское освидетельствование, проведенное 20 июля 2001 года в присутствии следователя прокуратуры, было осуществлено исключительно в ответ на его жалобы на жестокое обращение в милиции. В то же время, во время проведения медицинского освидетельствования он не высказывал никаких жалоб, поскольку его сопровождал на медосмотр тот же сотрудник милиции, который участвовал в избиении. Этот сотрудник также присутствовал на медосмотре.

37. Далее заявитель настаивал, что Правительство не дало объяснений причины возникновения телесных повреждений, зафиксированных во время медицинского осмотра 16 июля 2001 года при поступлении в ИВС, а потом и дополнительных повреждений, зафиксированных во время медицинского освидетельствования 20 июля 2001 года. Он подчеркнул, что его видение событий частично подкреплено приговором суда исключить явку с повинной, написанную заявителем 16 июля 2001 года из материалов дела. Поставив под сомнение степень использованной в отношении заявителя силы, суд не усомнился в самом факте применения насилия. Заявитель возразил против довода Правительства о том, что телесные повреждения были получены в ходе борьбы с одним из потерпевших, которое не выдерживало никакой критики и не было подкреплено ни одной уликой.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

38. Суд отмечает, что Правительство выдвинуло два главных довода против признания жалобы заявителя приемлемой. В частности, Правительство перечислило две возможные формы судебной защиты, которые заявитель не использовал: жалоба на постановление следователя от 6 февраля 2004 года вышестоящему прокурору или в суд. К тому же, Правительство утверждало, что жалоба на жестокое обращение была подана преждевременно, в то время как следствие по факту избиения все еще продолжалось.

(а) Общие принципы

39. Суд напоминает, что принцип исчерпания всех внутригосударственных средств судебной защиты, о котором говорится в статье 35 Конвенции, обязывает лиц, пытающихся передать дело в Суд против своего государства, использовать, в первую очередь, те средства судебной защиты, которые предусмотрены внутренним законодательством данного государства. Следовательно, Государство освобождается от ответа за свои действия перед международным органом до тех пор, пока не предпримет возможность уладить спор в рамках своей правовой системы. Данный принцип базируется на предположении, отраженном в статье 13 Конвенции, с которой он имеет близкое сходство, что в национальном законодательстве существует эффективное и доступное средство судебной защиты нарушенного права, независимо от того, инкорпорированы положения Конвенции в национальное законодательство или нет. В этой связи, важным аспектом данного принципа является то, что механизм защиты, установленный Конвенцией, является вспомогательным государственным системам, которые охраняют права человека (см. постановление по делу *Хендисайд против Соединенного Королевства* от 7 декабря 1976 года, пункт 48, Series A № 24).

40. В соответствии со статьей 35 Конвенции, у заявителя должна была иметься возможность прибегнуть к средствам судебной защиты, доступным для него и достаточным для обеспечения восстановления нарушенных прав. Наличие указанных средств судебной защиты должно быть не только в теории, но и на практике, иначе они теряют предъявляемые к ним требования доступности и эффективности (см., *inter alia*, постановление по делу *Vernillo v. France*, от 20 февраля 1991 года, пункт 27, Series A № 198, и *Johnston and Others v. Ireland*, от 18 декабря 1986 года, пункт 22, Series A № 112). Статья 35 также предъявляет

требование о том, что жалобы, поданные в Европейский Суд, должны прежде подаваться в соответствующие национальные органы, по крайней мере, по существу, и в соответствии с формальными требованиями и временными сроками, установленными внутригосударственным законодательством. Более того, должны быть использованы любые процессуальные способы, позволяющие избежать нарушения Конвенции (см. постановление по делу *Cardot v. France* от 19 марта 1991 года, пункт 34, Series A № 200).

41. К тому же, в части исчерпания внутригосударственных средств судебной защиты существует распределение бремени доказывания. На Государстве, заявляющем о неиспользовании средства судебной защиты, лежит обязанность убедить Суд в том, что указанное средство защиты было эффективным и доступным в теории и на практике на момент рассмотрения дела, и было способным компенсировать нарушенные права, которые изложены в жалобе заявителя, и указать перспективы благоприятного исхода. Как только это бремя доказывания осуществлено, от заявителя требуется доказать, что предлагаемое Правительством средство судебной защиты уже было использовано, либо по какой-то причине было недостаточным или неэффективным при конкретных обстоятельствах дела, либо что существовали какие-то особые обстоятельства, освобождающие его/ее от этого требования.

42. Суд должен подчеркнуть, что применение данного принципа должно быть осуществлено в контексте механизма защиты прав человека, установленного Договаривающимися сторонами. Следовательно, Суд признает, что принцип внутригосударственных средств судебной защиты должен применяться с некоторой степенью гибкости и без чрезмерного формализма (см. постановление по делу *Cardot*, приведенное выше, пункт 34). Далее, Суд признает, что принцип исчерпания внутригосударственных средств судебной защиты не является абсолютным и не может применяться автоматически. При изучении соблюдения данного принципа важно учитывать конкретные обстоятельства каждого дела (см. постановление по делу *Van Oosterwijck v. Belgium*, от 6 ноября 1980 года, пункт 35, Series A № 40). Это означает, среди прочего, что Суд должен учитывать реальную картину не только наличия формальных средств судебной защиты в законодательстве Договаривающейся стороны, но и общий правовой и политический контекст, в котором они используются, так и личные обстоятельства заявителей (см. постановление по делу *Akdivar and Others v. Turkey*, от 16 сентября 1996 года, пункты 65-68, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV).

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

(1) Не обжалование постановления следователя от 6 февраля 2004 года

43. Суд напоминает, что кроме внутренней проверки и оценки жестокого обращения, данной уголовными судами, утверждения заявителя изучались следственными органами. В частности, 8 августа 2002 года следователь прокуратуры Советского района вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. После того, как заявитель подал жалобу в Советский районный суд, это постановление было отменено заместителем прокурора и была начата новая проверка. Проверка была закрыта и возобновлена снова, ее итогом стало постановление от 6 февраля 2004 года, в котором также было отказано в возбуждении уголовного дела. В соответствии со статьями 125 и 148 УПК данное постановление могло быть обжаловано вышестоящим прокурору или в суд общей юрисдикции (см. пункт 27 выше).

44. Что касается обжалования вышестоящему прокурору, Суд ранее постановлял, что подобное обжалование не является эффективным средством судебной защиты в рамках значения статьи 35 Конвенции (см. постановление по делу *Белевицкий против России*, № 72967/01, пункт 60, от 1 марта 2007 года).

45. Однако все обстоит иначе, когда речь идет о возможности обжаловать в суд общей юрисдикции постановление прокурора не расследовать жалобы на жестокое обращение. Суд ранее постановлял, что в российском законодательстве полномочия суда отменить

постановление об отказе в возбуждении уголовного дела являются существенной гарантией защиты от произвольного осуществления полномочий органами следствия (см. постановление по делу *Трубников против России* № 49790/99, от 14 октября 2003 года, и по делу *Белевицкий*, приведенному выше, пункт 61).

46. Суд отмечает, что в настоящем деле заявитель формально не воспользовался возможностью обжаловать в судебном порядке, как это предусмотрено в статье 125 УПК, постановление следователя от 6 февраля 2004 года путем возбуждения судебного дела. Тем не менее, Суд не может принять довод Правительства о том, что не обжалование постановления в суд делало жалобу заявителя по статье 3 неприемлемой. Помимо того, что постановление от 6 февраля 2004 года потеряло свою силу, так как было отменено 24 августа 2007 года постановлением прокуратуры Воронежской области, постановившей проведение новой проверки по жалобе заявителя на жестокое обращение, Суд отмечает, что постановление от 6 февраля 2004 года предворяли по крайней мере еще два постановления, вынесенные следователями, аналогичные по содержанию и приведшие к такому же исходу (см. пункты 19 и 23 выше). Заявитель успешно обжаловал эти два постановления, добившись их отмены и возобновления проверки. Суд считает, что для того, чтобы исчерпать все средства судебной защиты, заявителю не требовалось обжаловать, снова и снова, последующие постановления, в результате которых следственные органы прекращали расследование. Как Суд уже постановлял в аналогичном деле, требование о том, чтобы такой отказ был тем не менее вновь обжалован, было бы чрезмерно формальным и возлагало бы на заявителя чрезмерное бремя (см. постановление по делу *Самойлов против России* № 64398/01, пункт 45, от 2 октября 2008 года). К тому же, заявитель высказал в Суде, главным образом, те же доводы, что и в национальных судах в ходе рассмотрения уголовного дела, а также в ходе проведения внутренней проверки правоохранительными, а впоследствии, и следственными органами инцидента, имевшего место 16 июля 2001 года. Таким образом, национальным судам была предоставлена достаточная возможность восстановить нарушенные права заявителя. Следовательно, стоит считать, что заявитель исчерпал все средства судебной защиты, несмотря на то, что не обжаловал в суд постановление следователя от 6 февраля 2004 года (см., *mutatis mutandis*, *C.M. v. Sweden*, № 20809/92, решение Комиссии от 15 февраля 1993 года, и, постановление по более недавнему делу *Акулинин и Бабич против России* № 5742/02, пункт 33, от 2 октября 2008 года, и *Владимир Федоров против России*, № 19223/04, пункт 50, от 30 июля 2009 года), и что возражение Правительства в части не исчерпания всех средств судебной защиты должно быть отклонено.

(ii) *Преждевременность подачи жалобы до окончания производства по делу*

47. Далее Суд повторяет довод Правительства относительно того, что жалобы заявителя по статье 3 были поданы преждевременно, поскольку производство по уголовному делу было возобновлено в августе 2007 года и ведется до сих пор. В этой связи, Суд сначала отмечает, что если гражданин предъявляет спорную претензию, что с ним жестоко обращались в милиции, обвинение в совершении преступления можно считать адекватным средством защиты в рамках пункта 1 статьи 35 Конвенции (см. постановление по делу *Владимир Федоров против России*, приведенное выше, пункт 58). Действительно, общее правило таково, что Государству должна быть предоставлена возможность расследовать дело и ответить на заявление о жестоком обращении. В то же время заявитель не должен использовать средства судебной защиты, которые, теоретически можно считать средствами судебной защиты, но которые в реальности не дают возможности восстановить нарушенное право (см. постановление по делу *Akdivar and Others v. Turkey*, от 30 августа 1996 года, пункт 68, *Reports* 1996-IV). Если выбранное средство судебной защиты достаточно в теории, а на деле оказывается неэффективным, заявитель не обязан использовать его (см. постановление по делу *Мухеев против России*, № 77617/01, пункт 86, от 26 января 2006 года).

48. Суд отмечает, что в настоящем деле проверка по факту жалобы заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции была возобновлена спустя более шести лет после указанных событий. Следствие до сих пор ведется. Заявитель и

Правительство не достигли согласия в вопросе эффективности этого следствия. Поэтому Суд считает, что возражение Правительства в части неисчерпания всех средств судебной защиты поднимает вопросы, связанные с существом жалобы заявителя по статье 3 Конвенции. Следовательно, Суд принимает решение присоединить этот вопрос к существу жалобы.

(с) Решение Суда о приемлемости жалобы

49. Далее Суд отмечает, что жалоба является вполне обоснованной в рамках значения пункта 3 статьи 35 Конвенции, Суд не видит других оснований считать ее неприемлемой. Поэтому Суд объявляет жалобу приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Установление фактов

50. Суд повторяет, что утверждение о жестоком обращении должно быть подкреплено соответствующими доказательствами. При оценке доказательств, Суд обычно применял критерий, что доказательства должны быть «исчерпывающими» (см. постановление по делу *Ирландия против Соединенного Королевства*, от 18 января 1978 года, пункт 161, Series A № 25). Однако такое доказательство может следовать из сосуществования достаточно твердых, ясных и согласующихся выводов или аналогичных неопровержимых фактических предположений. Там, где рассматриваемые события целиком или в большей степени относятся к сфере исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении травм, причиненных во время содержания под стражей. Действительно, можно считать, что на властях лежит бремя доказывания, с целью предоставить достаточные и убедительные объяснение (см. постановление по делу *Salman v. Turkey* [GC], № 21986/93, пункт 100, ECHR 2000-VII).

51. В случае, когда разбирательство в национальных судах состоялось, в задачу Суда не входит заменить оценку фактических обстоятельств дела, данную национальными судами, на свою, и, в целом, это задача именно этих судов – дать оценку представленным им доказательствам (см. постановление по делу *Klaas v. Germany*, от 22 сентября 1993 года, пункт 29, Series A № 269). Хотя выводы национальных судов не имеют юридической силы для Суда, при обычных обстоятельствах требуются убедительные факторы, чтобы Суд отступил от выводов, сделанных национальными судами (см. постановление по делу *Matko v. Slovenia*, № 43393/98, пункт 100, от 2 ноября 2006 года). Но однако, когда делается заявление по статье 3 Конвенции, Европейский Суд обязан осуществить особенно тщательную проверку (см., *mutatis mutandis*, *Ribitsch v. Austria*, от 4 декабря 1995 года, пункт 32, Series A № 336).

52. В настоящем деле у сторон не вызывает разногласий, и Суд считает установленным, что 16 июля 2001 года заявителя арестовали и доставили в РОВД Советского района г. Воронежа. Позднее того же дня, его доставили в ИВС в отделении милиции. После медицинского осмотра заявителя при поступлении в ИВС, тюремный врач составил заключение, в котором зафиксировал синяки в области носа и под глазами (см. пункт 8 выше). В ходе следующего медосмотра заявителя, проведенного 20 июля 2001 года в присутствии старшего следователя военной прокуратуры и двух свидетелей, были зафиксированы дополнительные телесные повреждения, включая кровоподтеки в области обоих плечей и под левой лопаткой (см. пункт 10 выше).

53. Суд отмечает, что в ответ на результаты медицинских заключений, Правительство выдвинуло одну версию событий, которые, возможно, привели к возникновению на теле заявителя некоторых телесных повреждений.

54. В частности, цитируя материалы уголовной проверки по жалобам заявителя на жестокое обращение, которые не были представлены Суду, Правительство настаивало, что заявитель получил повреждения во время драки с одним из потерпевших. Однако, данное объяснение не убедило Суд. Как следует из материалов проверки, проведенной

правоохранительными и следственными органами, которые представил заявитель, и постановлений национальных судов, рассматривавших уголовное дело в отношении заявителя, данная версия событий не рассматривалась ни одной инстанцией, изучавшей жалобы заявителя на жестокое обращение. В то же время, заслушав показания сотрудников милиции, настаивавших на том, что на теле заявителя не было видимых телесных повреждений при поступлении в ИВС, и изучив заключение медосмотра, составленного в ИВС, Военный суд пришел к выводу, что «в отношении заявителя была использована физическая сила», хотя у суда и вызвало сомнение описание заявителем степени насилия, совершенного в отношении него (см. пункт 13 выше). Этот вывод повлиял на то, что Военный суд исключил из улик явку с повинной, написанную заявителем 16 июля 2001 года - бессмысленное процессуальное действие в случае, если суд допускал, что признание было добровольным, и что телесные повреждения были получены заявителем от действий какого-то частного лица.

55. Суд также не упускает из виду другую версию событий, представленную следственными органами в попытке объяснить причину возникновения телесных повреждений заявителя. В частности, Суд находит поразительным, что, несмотря на выводы национальных судов, рассматривавших уголовное дело, которые подтверждают, за исключением степени примененного насилия, изложение событий 16 июля 2001 года, данное заявителем, тем не менее, в ряде постановлений следственные органы объявили, что телесные повреждения были получены от его сослуживца 15 июля 2001 года, когда последний ударил заявителя в ухо, стараясь предотвратить попытку самоубийства (см. пункты 19 и 24 выше). Без предвзятости к изучению вопроса эффективности следствия в отношении жалоб заявителя на жестокое обращение, которое Суду предстоит осуществить, Суд считает важным отметить, что объяснения следователя едва ли отражают причину возникновения телесных повреждений, зафиксированных в медицинских заключениях от 16 и 20 июля 2001 года (см. пункты 8 и 10 выше). Суд потрясен тем, что при отсутствии показаний заявителя и его сослуживца, подтверждающих, что последний нанес несколько ударов по лицу заявителя, а также не принимая во внимание показания сотрудников милиции о том, что на момент задержания они не заметили видимых повреждений на лице заявителя, следователи пришли к выводу, что телесные повреждения могли быть получены в ходе драки между заявителем и одним из военных.

56. В то же время, Суд отмечает, что заявитель детально описал жестокое обращение, которому подвергся, указал место, время и продолжительность. Суд также обращает внимание на логичность и связность показаний заявителя о том, что будучи под арестом, он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, и на то, что он придерживался своих показаний всякий раз, когда он мог свободно высказать их перед следственными органами и национальными судами. Суд повторяет довод Правительства о том, что заявитель не высказывал никаких жалоб следователю военной прокуратуры во время медосмотра, проходившего 20 июля 2001 года. Однако, это не удивительно, что заявитель не высказал своего недовольства, потому что указанный обидчик присутствовал на медосмотре. Суд не может исключить возможность, что заявитель боялся лиц, обвиненных им в жестоком обращении (см. постановление по делу *Colibaba v. Moldova*, № 29089/06, пункт 49, от 23 октября 2007 года, и *Bati and Others v. Turkey*, №№ 33097/96 и 57834/00, пункт 100, ECHR 2004-IV (отрывки)).

57. В заключение, если Правительство считало утверждения заявителя ложными, оно имело возможность опровергнуть их путем изложения своей правдоподобной версии событий и предоставления, например, свидетельских показаний или других доказательств в пользу этой версии. На деле Правительство не представило ни одного удовлетворительного и убедительного объяснения того, каким образом у заявителя появились телесные повреждения. Суд далее отмечает, что у государства-ответчика была отличная возможность представить копию материалов полного расследования по факту жалоб заявителя на жестокое обращение. Правительство, ссылающееся на продолжающееся в данный момент

следствие в отношении событий, имевших место 16 июля 2001 года, не представило Суду никаких материалов по данному вопросу.

58. При данных обстоятельствах, принимая во внимание обязанность властей отвечать за телесные повреждения, причиненные лицу, находящемуся в местах лишения свободы, а также в отсутствие убедительных и правдоподобных объяснений со стороны Правительства в настоящем деле, Суд находит, что по действиям Правительства можно сделать вывод, и в соответствии со стандартами, предъявляемыми к доказательствам в судебных разбирательствах по Конвенции, считает установленным тот факт, что телесные повреждения на теле заявителя стали следствием обращения, на которое он жаловался, и за которое Правительство несет ответственность (см. постановления по делам *Selmouni v. France* [GC], № 25803/94, пункт 88, ECHR 1999-V; *Mehmet Emin Yksel v. Turkey*, № 40154/98, пункт 30, от 20 июля 2004 года; *Muxeev*, приведенное выше, пункты 104-105; и *Дедовский и другие против России*, № 7178/03, пункты 78-79, от 15 мая 2008 года). Следовательно, Суд должен приступить к изучению дела по существу на основании позиции заявителя и имеющихся в деле материалов.

(b) Предполагаемое отсутствие должного расследования

59. В пункте 48 выше, Суд установил, что вопрос относительно того, были ли жалобы заявителя по статье 3 Конвенции преждевременными в свете неоконченного следствия, был тесно связан с вопросом эффективности этого следствия. Поэтому Суд принял решение присовокупить этот вопрос к существу дела и рассмотрит его сейчас. Перед тем, как приступить к анализу того, как шло следствие, Суд считает необходимым напомнить принцип, определяющий обязанность властей расследовать случаи жестокого обращения вследствие использования силы со стороны представителей Государства.

60. Суд повторяет, что в случае, когда гражданин предъявляет претензии на то, что подвергся жестокому обращению в нарушение статьи 3, данная статья, истолкованная в совокупности с общим обязательством Государства по статье 1 Конвенции «обеспечить каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... настоящей Конвенции», требует, по смыслу, проведение должного официального расследования. Обязательство провести расследование – это «не обязательство результата, а методов достижения этого результата»: не всякое следствие должно обязательно быть успешным или привести к выводам, совпадающим с ходом событий, изложенных истцом. Однако оно должно, в принципе, привести к установлению фактических обстоятельств конкретного дела, и если претензии окажутся правдивыми, к установлению личности и к привлечению виновных к ответственности. Поэтому, следствие в отношении серьезных заявлений о жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что власти должны всегда предпринимать серьезные усилия, чтобы установить произошедшие события, и не должны опираться на поверхностные и необоснованные выводы при завершении следствия или при вынесении постановления. Власти должны предпринять все разумные и доступные им меры, чтобы собрать доказательства, касающиеся инцидента, включая, *inter alia*, свидетельские показания, судебно-медицинскую экспертизу, и т.д.. Любой недостаток следствия, подрывающий способность следствия установить причину появления телесных повреждений или установить личности виновных, рискует нарушить данное требование (см., среди других, постановление по делу *Muxeev*, приведенное выше, пункт 107 et seq., и постановление по делу *Assenov and Others v. Bulgaria*, от 28 октября 1998 года, *Reports* 1998-VIII, пункт 102 et seq.). И в заключение, следствие должно быть недолгим. В делах, связанных со статьями 2 и 3 Конвенции, когда рассматривается вопрос эффективности официального расследования, Суд часто дает оценку тому, насколько оперативно власти среагировали на жалобы на момент рассмотрения дела (см. постановление по делу *Labita v. Italy* [GC], № 26772/95, пункт 133 et seq., ECHR 2000-IV). Суд принимает во внимание начало следствия, задержки в официальных отчетах (см. постановление по делу *Timurtaş v. Turkey*, № 23531/94, пункт 89, ECHR 2000-VI, и *Tekin v. Turkey*, от 9 июня 1998 года, пункт 67,

Reports 1998-IV) и продолжительность ведения первоначального следствия (см. постановление по делу *Indelicato v. Italy*, № 31143/96, пункт 37, от 18 октября 2001 года).

61. Возвращаясь к фактическим обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель полностью полагался на то, что следственные органы соберут доказательства, свидетельствующие в пользу его жалобы. У прокурора были правовые полномочия допросить сотрудников милиции, вызвать свидетелей, посетить место происшествия, собрать улики и предпринять все необходимые меры с целью установить достоверность изложенных заявителем событий. Действия прокурора имели большое значение не только ради уголовного преследования виновных в преступлении лиц, но и ради предоставления других средств судебной защиты, чтобы компенсировать вред, причиненный заявителю (см. пункт 27 выше). Суд отмечает, что следственные органы, уведомленные об избиении заявителя, начали следствие, которое до сих не привело к уголовному преследованию лиц, избивших его. Следствие прекращалось, возобновлялось и сейчас до сих пор ведется. По мнению Суда, вопрос в конечном итоге сводится уже не столько к тому, имело ли место расследование инцидента, поскольку у сторон не вызвало разногласий, что следствие было проведено, сколько к тому, проводилось ли оно надлежащим образом, и стремились ли власти установить личности и привлечь к ответственности виновных, и, соответственно, было ли следствие «эффективным».

62. Поэтому Суд сначала даст оценку скорости следствия, проведенного прокуратурой, как критерию, определяющему намерение властей привлечь к ответственности лиц, подвергших заявителя жестокому обращению (см. постановление по делу *Selmouni*, приведенное выше, пункты 78 и 79). В настоящем деле Суд считает установленным, что заявитель озвучил перед властями свои жалобы в ходе допроса 16 июля 2001 года, посетовав следователю военной прокуратуры на применение насилия со стороны сотрудников милиции и подав ходатайство о проведении медицинского осмотра (см. пункты 9 и 10 выше). Присутствуя на медицинском освидетельствовании заявителя, проведенном 20 июля 2001 года, следователь военной прокуратуры видел последствия избиения заявителя, с его слов, сотрудниками милиции. В этой связи, Суд не упускает из виду российское законодательство, возлагающее на национальные власти обязанность расследовать случаи причинения лицам, содержащимся под стражей, телесных повреждений (см. пункт 30 выше). В законе не указывается, что обязанность возлагается на власти лишь тогда, когда жалобу на жестокое обращение подает сам задержанный. Выходит, что не связывая обязанность проводить расследование с наличием жалобы от самого задержанного, данный закон был создан, чтобы защитить интересы лиц, находящихся под стражей, лиц в уязвимом положении, которые из-за страха или боязни возмездия, не смеют пожаловаться на противозаконные действия со стороны представителей Государства.

63. Однако в настоящем деле следственные органы не начали расследование после того, как бы извещены об избиениях. Они также проигнорировали жалобы отца заявителя, что в отношении последнего было применено насилие, ссылаясь на неподведомственность, поскольку в отношении заявителя уже шло судебное разбирательство (см. пункт 16 выше). Вызывает удивление, что на жалобу, поданную отцом заявителя, отреагировало ГУВД по Воронежской области – орган государственной власти, чьи сотрудники были замешаны в событиях, требующих расследования (см. пункт 17 выше). Несмотря на то, что Суд признает необходимость проведения внутренних проверок со стороны правоохранительных органов с целью возможного дисциплинарного наказания в случаях злоупотребляли своими полномочиями со стороны их сотрудников, Суд поражен тем фактом, что в настоящем деле первоначальные следственные меры, которые имеют огромное значение для установления достоверной картины произошедшего, когда речь идет о жестокости со стороны сотрудников правоохранительных органов, были предприняты самой милицией (см. аналогичную мотивировку в решении по делу *Владимир Федоров*, приведенном выше, пункт 69, и *Максимов против России*, № 43233/02, пункт 87, от 18 марта 2010). В этой связи Суд повторяет свои выводы, сделанные в ряде случаев, что следствие должно проводиться компетентными, квалифицированными и беспристрастными органами, независимыми от

подозреваемых правонарушителей и ведомств, в которых они работают (см. постановление по делу *Ramsahai and Others v. the Netherlands* [GC], № 52391/99, пункт 325, ECHR 2007-..., и *Oğur v. Turkey* [GC], № 21594/93, пункты 91-92, ECHR 1999-III). Более того, хотя тщательность проведенного расследования будет изучена далее, Суд уже подчеркнул при таком стечении обстоятельств, что удивлен тем, что несмотря на то, что следователь ссылаясь на показания сотрудников милиции в своем решении от 8 августа 2002 года и последующих решениях, она не заслушала их показания лично. Выходит, что она просто изложила показания сотрудников милиции, которые они дали в ходе проведения внутренней проверки. Суд, тем не менее, осознает важность следственных допросов для получения точной и достоверной информации от подозреваемых, свидетелей и потерпевших, и, в конечном итоге, для установления истины в расследуемом вопросе. Наблюдение за поведением подозреваемых, свидетелей и потерпевших во время допроса и оценка доказательной силы их показаний являются важной частью следственного процесса.

64. К тому же, не было даже предпринято попытки провести судебное медицинское освидетельствование заявителя. Суд в этой связи повторяет, что должным образом проведенный медицинский осмотр является важной гарантией против насилия. Судебный врач должен обладать формальной и *de facto* независимостью, пройти особое обучение и иметь широкие полномочия (см. постановление по делу *Akkoz v. Turkey*, №№ 22947/93 и 22948/93, пункт 55 и пункт 118, ECHR 2000-X). Когда врач пишет заключение после медицинского осмотра лица, заявившего о жестоком обращении по отношению к нему, важно, чтобы врач установил степень связности при изложении хронологии жестокого обращения. Заключение, указывающее на степень подтверждения версии жестокого обращения, должно быть основано на изучении других возможных диагнозов (повреждения, не связанные с жестоким обращением, включая нанесенные самому себе повреждения, и болезни) (см. постановление по делу *Барабанициков против России*, № 36220/02, пункт 59, от 8 января 2009 года).

65. В настоящем деле этого сделано не было. Ни медицинское освидетельствование заявителя при поступлении в ИВС, ни освидетельствование, проведенное 20 июля 2001 года, не отвечают вышеприведенным требованиям. Единственной целью этих освидетельствований было установить и зафиксировать возможные повреждения на теле заявителя. Врачи, осмотревшие заявителя, не ставили своей задачей определить характер и причины возникновения его телесных повреждений, или хотя бы установить период, когда они могли быть получены. Суд отмечает, что отсутствие ходатайства на получение судебно-медицинской экспертизы привело, среди прочего, к упущению возможности собрать улики, свидетельствующие о жестоком обращении.

66. Далее Суд отмечает, что поскольку проверка, проводимая прокуратурой, началась спустя год после указанного инцидента жестокого обращения, она стала затянутой. Суд находит поразительным, что за 3-летний период с февраля 2004 года по август 2007 года следствие никуда не продвинулось. Так как оно было возобновлено в августе 2007 года, проверка прекращалась и начиналась вновь по ряду причин. Следствие до сих пор ведется, и сотрудники милиции до сих пор так и не предстали перед судом. Правительство не представило объяснений затягивания уголовного разбирательства. При таких обстоятельствах Суд вынужден прийти к выводу, что власти не соблюли принцип своевременности (см. постановление по делам *Kişmir v. Turkey*, № 27306/95, пункт 117, от 31 мая 2005 года; *Angelova and Iliev v. Bulgaria*, № 55523/00, пункт 103, ECHR 2007-IX; и *Владимир Федоров*, приведенное выше, пункт 70).

67. Что касается тщательности расследования, Суд отмечает ряд важных упущений, способных подорвать достоверность и эффективность этого расследования. Во-первых, Суд уже подчеркивал, что не была дана оценка количеству и характеру телесных повреждений на теле заявителя. При вынесении постановлений следователи опирались на заключения после медицинского освидетельствования, в которых были зафиксированы телесные повреждения, полученные заявителем. Суд находит удивительным, что следователь не запросил судебно-медицинской экспертизы заявителя или, по крайней мере, не взял показания у врачей, осмотревших заявителя.

68. Во-вторых, Суд отмечает, что следственные органы подошли избирательно и несколько непоследовательно к оценке улик. Из постановлений, представленных Суду, очевидно, что следователи сделали свои выводы, опираясь, в основном, на показания сотрудников милиции, замешанных в инциденте. Из представленных материалов видно, что до возобновления проверки в 2007 году, следственные органы ни разу не допросили заявителя лично. К тому же, несмотря на то, что отрывки из жалоб заявителя и его отца были включены в постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, следователи не сочли их описание событий правдоподобным, поскольку в нем было отражено их личное мнение, и оно составляло обвинительную тактику заявителя. А вот показания сотрудников милиции следователи признали правдоподобными, несмотря на то, что они могли составлять тактику защиты и быть направленными на подрыв доверия к заявителю. По мнению Суда, при проведении проверки следственные органы применили разные стандарты, когда оценивали показания, поскольку данные заявителем и его отцом показания были признаны субъективными, а показания сотрудников милиции – нет. Правдивость показаний последних тоже должна была подвергаться сомнению, так как следствие, проводимое прокуратурой, было обязано установить, следует ли привлечь сотрудников милиции к дисциплинарной или уголовной ответственности (см. постановление по делу *Ognyanova and Choban v. Bulgaria*, № 46317/99, пункт 99, от 23 февраля 2006 года).

69. Далее Суд отмечает, что до 2004 года, следователь не допрашивала г-на Л., якобы ударившего заявителя при попытке помешать ему совершить самоубийство 15 июля 2001 года. Отрывки из показаний г-на Л. были впервые включены в постановление от 6 февраля 2004 года (см. пункт 24 выше). Суд также находит необъяснимым, что вопреки прямым указаниям Советского районного суда и вышестоящих прокуроров, следователь не предприняла попытки допросить других военнослужащих, свидетелей событий 15 июля 2001 года (см. пункт 21 выше). В этой связи, Суд отмечает, что даже если следственным органам не предоставили фамилии лиц, возможно видевших заявителя до ареста или позднее в отделении милиции, или очевидцев его избиения, предполагается, что они должны предпринять меры установить возможных очевидцев тех событий по собственной инициативе.

70. Следовательно, Суд считает, что следственные органы не смогли собрать убедительные доказательства, и их дифференциальный подход к сотрудникам милиции является очень серьезным недостатком в проведенном расследовании (см. постановление по делу *Aydin v. Turkey*, от 25 сентября 1997 года, пункт 106, *Reports* 1997-VI). Суд также хочет подчеркнуть, что поражен тем обстоятельством, что национальные суды, рассматривавшие уголовное дело заявителя, узнав о применении насилия в отношении заявителя в отделении милиции, остались абсолютно безразличны к этой ситуации и не предприняли мер, чтобы исправить это нарушение, в частности, путем распоряжения о проведении эффективного и незамедлительного расследования указанных событий следственными органами.

71. С учетом вышеуказанных упущений со стороны российских властей, Суд считает, что расследование по факту жалоб заявителя на жестокое обращение не было проведено надлежащим образом, не было быстрым и эффективным. Суд признает, что следствие все еще ведется, но учитывая его продолжительность и очень серьезные упущения, обозначенные выше, Суд не считает, что заявитель должен был дожидаться окончания следствия, прежде чем подавать жалобу в Суд (см. постановление по делу *Angelova and Iliev*, приведенное выше, пункт 103; *Михеев*, приведенное выше, пункт 121; *Самойлов против России*, № 64398/01, пункт 45, от 2 октября 2008 года; и *Белоусов против России*, № 1748/02, пункт 57, от 2 октября 2008 года). К тому же, Суд принимает во внимание, что заявитель подал жалобу в Суд 20 мая 2003 года, после того, как следствие по факту жалобы на жестокое обращение было прекращено в первый раз. Суд также учитывает и то, что после 20 мая 2003 года обвинение прекратило проверку по двум другим основаниям. Проверка, которая была закрыта в третий раз 6 февраля 2004 года, была возобновлена в августе 2007 года, после того, как настоящее дело было коммуницировано Правительству. Поэтому Суд отклоняет возражение Правительства в части, что заявитель не исчерпал все

внутригосударственные средства судебной защиты, не дождался исхода уголовного разбирательства в национальных судах, и постановляет, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в его процедурной части.

(с) Предполагаемое жестокое обращение с заявителем: оценка степени жестокости плохого обращения

(i) Общие принципы

72. Как Суд уже неоднократно заявлял, статья 3 охраняет одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Даже в особо сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция устанавливает абсолютный запрет пыток и бесчеловечного или унижительного обращения или наказания, независимо от поведения потерпевшего (см. постановление по делу *Labita*, приведенное выше, пункт 119, и *Chahal v. the United Kingdom*, от 15 ноября 1996 года, пункт 79, *Reports* 1996-V). Статья 3 не предусматривает никаких исключений, и не допустимо никакое ее ограничение в соответствии с пунктом 2 статьи 15 Конвенции, даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни народа (см. постановление по делу *Selmouni v. France* [GC], № 25803/94, пункт 95, ECHR 1999-V, и *Assenov*, приведенное выше, пункт 93).

73. Суд постоянно подчеркивает, что страдания и унижения в любом случае не должны выходить за рамки неизбежных страданий и унижения, связанных с конкретной формой законного обращения или наказания. Меры, лишаящие человека свободы, зачастую включают в себя данный элемент. В соответствии со статьей 3 Конвенции Государство должно обеспечить, чтобы задержанное лицо содержалось в условиях, совместимых с уважением к его человеческому достоинству, а способы и методы исполнения этих мер не подвергали его страданиям и боли, превышающим неизбежную степень страдания вследствие ареста (см. постановление по делу *Kudła v. Poland* [GC], № 30210/96, пункты 92-94, ECHR 2000-XI).

74. Что касается задержанных, то Суд подчеркивает, что лица, находящиеся под стражей, находятся в уязвимом положении, и власти обязаны обеспечить охрану их физического здоровья (см. постановление по делу *Tarariyeva v. Russia*, № 4353/03, пункт 73, ECHR 2006-XV (отрывки); *Sarban v. Moldova*, № 3456/05, пункт 77, от 4 октября 2005 года; и *Mouisel v. France*, № 67263/01, пункт 40, ECHR 2002-IX). Что касается лиц, лишенных свободы, то любое применение силы, которое не было строго вызвано их поведением, умаляет человеческое достоинство и, в принципе, нарушает право, предусмотренное статьей 3 Конвенции (см. постановление по делу *Sheydayev v. Russia*, № 6 5859/01, пункт 59, от 7 декабря 2006 года; *Ribitsch v. Austria*, от 4 декабря 1995 года, пункт 38, А № 336; и *Krastanov v. Bulgaria*, № 50222/99, пункт 53, от 30 сентября 2004 года).

(ii) Применение вышеуказанных принципов в настоящем деле

75. Суд вновь напоминает, что считает установленным факт избиения заявителя сотрудниками милиции, в результате чего ему были причинены телесные повреждения (см. пункты 57 и 58 выше). Суд не нашел обстоятельств, которые бы требовали применение насилия в отношении заявителя. Стороны не спорили относительно того, что заявитель оказал сопротивление при задержании, предпринял попытку побега и не выполнял законные приказы сотрудников милиции. Далее, в деле нет указания на то, что во время задержания или впоследствии, находясь под стражей в отделении милиции, он угрожал сотрудникам милиции, например, открыто держа оружие или нападая на них (см., для сравнения, постановление по делу *Necdet Bulut v. Turkey*, № 77092/01, пункт 25, от 20 ноября 2007 года, и *Berliński v. Poland*, №№ 27715/95 и 30209/96, пункт 62, от 20 июня 2002 года). Выходит, что применение силы было репрессивным по природе и было нацелено на его унижение, насильственное подчинение, скорее всего с целью получения признания заявителя в совершении убийства. Вдобавок, обращение, которому подвергся заявитель, наверняка причинило ему нравственные и физические страдания.

76. Следовательно, учитывая характер и степень телесных повреждений заявителя, Суд приходит к выводу, что Государство должно нести ответственность по статье 3 Конвенции вследствие бесчеловечного и унижительного обращения со стороны правоохранительных органов по отношению к заявителю. Таким образом, имело место нарушение данной статьи.

II. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

77. Суд изучил другие жалобы, поданные заявителем. Однако учитывая все представленные Суду материалы и, поскольку эти жалобы подпадают под компетенцию Суда, то Суд считает, что они не указывают на нарушение других прав и свобод, предусмотренных Конвенцией и ее Протоколами. Отсюда следует, что эта часть жалобы должна быть отклонена как необоснованная, в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

78. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

79. Заявитель требовал 53.556,96 евро в качестве компенсации материального ущерба, составляющие сумму его убытков вследствие обвинения заявителя в убийстве. Далее он требовал 132.261,82 евро в качестве компенсации морального вреда.

80. Правительство заявило, что заявленный ущерб не имел причинной связи с нарушением, и что, в любом случае, заявленные суммы были чрезмерно завышенными и необоснованными.

81. Суд разделяет позицию Правительства в том, что не было причинной связи между установленным нарушением и заявленной суммой материального ущерба (см. постановление по делу *Stašaitis v. Lithuania*, № 47679/99, пункт 96, от 21 марта 2002 года; *Khudoyorov v. Russia*, № 6847/02, пункт 221, ECHR 2005-X (отрывки); и *Исаев против России*, № 20756/04, пункт 172, от 22 октября 2009 года).

82. Что касается требований заявителя, касающихся компенсации морального вреда, Суд повторяет, во-первых, что от заявителя не требуется предоставлять доказательства причиненного ему морального вреда (см. постановление по делу *Гридин против России*, № 4171/04, пункт 20, от 1 июня 2006 года). Далее, Суд отмечает, что установил наличие особо серьезного нарушения в настоящем деле. Суд допускает, что заявитель подвергся унижению и физическим страданиям вследствие жестокого с ним обращения. Кроме того, в отношении его жалоб на жестокое обращение не было проведено должного и эффективного расследования. В этих обстоятельствах, Суд считает, что страдания и неудачи заявителя не могут быть компенсированы простым установлением нарушения Конвенции. Однако, указанная сумма кажется суду чрезмерной. Проведя объективную оценку, Суд присуждает заявителю 15.000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс налоги, взимаемые с этой суммы.

B. Судебные расходы и издержки

83. Заявитель, ссылаясь на копии платежных документов, актов и счет-фактур, подтверждающие осуществление выплат, также требовал 1.166,71 евро в качестве

компенсации почтовых расходов, проезда и оплаты правовых услуг, которые он понес в ходе разбирательства в национальных судах и Европейском Суде по правам человека.

84. Правительство подчеркнуло, что эти расходы не являются необходимыми и обоснованными.

85. В соответствии с практикой Суда, заявитель вправе требовать компенсации расходов и издержек, если будет установлено, что они были действительно понесены и разумны по сумме. В настоящем деле, учитывая представленные документы и принимая во внимание вышеупомянутые критерии, Суд считает целесообразным присудить всю сумму целиком, плюс налоги, взимаемые с этой суммы.

С. Проценты за просрочку

86. Суд считает целесообразным установление процента на основании предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Решает* присоединить к существу дела возражения властей государства-ответчика по поводу исчерпания внутригосударственных средств судебной защиты в отношении жалобы заявителя на жестокое обращение в июле 2001 года, так как возражение касается того факта, что уголовное производство по его жалобам на жестокое обращение все еще не закончено, и *отклоняет* его;

2. *Объявляет* жалобу в части жестокого обращения в отношении заявителя со стороны сотрудников милиции и неэффективности расследования инцидента приемлемой, а остальную часть - неприемлемой;

3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции вследствие бесчеловечного и унижительного обращения, которому заявитель подвергся 16 июля 2001 года со стороны сотрудников милиции;

4. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции вследствие неспособности властей эффективно расследовать жалобу заявителя на бесчеловечное и унижительное обращение, которому его подвергли 16 июля 2001 года сотрудники милиции;

5. *Постановляет*

(а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы с последующим их пересчетом в валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчета:

(i) 15.000 евро (пятнадцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 1.166,71 евро (одну тысячу сто шестьдесят шесть евро семьдесят один цент) в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в национальных судах и в Европейском Суде по правам человека;

(iii) сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше;

(b) на указанную сумму начисляется простой процент в размере 3% годовых, который подлежит уплате по прошествии вышеупомянутого трехмесячного срока вплоть до погашения задолженности;

6. *Отклоняет* остальную часть требования заявителя о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 14 октября 2010 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Председатель Кростос Розакис Заместитель Секретаря Андре Вампак